

Богословіе и свобода Церкви.

(О задачахъ освободительной войны въ области русскаго богословія) ¹⁾.

Среди тяжелыхъ и горестныхъ обстоятельствъ переживаемаго времени блеститъ одинъ свѣтлый и примиряющій лучъ надежды, надежды на обновленіе русскаго народнаго сознанія, на повышеніе русскихъ духовныхъ цѣнностей. Уже и теперь раздаются гимны Россіи и всему русскому даже съ той стороны, гдѣ еще такъ недавно умѣли пѣть величаніе только предъ кумирами Европы, гдѣ этими мертвыми и бездушными кумирами замѣняли православныя чудотворныя иконы. Два вѣка назадъ

оторваны могучею рукою,
мы бросили отечество свое,
умчались вдаль, плѣняясь чужей землею,
земли родной презрѣвши бытіе.

(К. С. Аксаковъ. „Возвратъ“).

Мы какъ-будто стыдились того, что мы—русскіе и имѣемъ несчастіе жить на Востокѣ. Мы перерядились въ чужое платье и заговорили на чужихъ языкахъ. Во всѣхъ областяхъ русской жизни двѣсти лѣтъ слышался одинъ только

жалкій лепетъ словъ чужихъ.

Славянофильство не встрѣчало сочувствія въ широкихъ кругахъ интеллигенціи; въ этихъ кругахъ оно было обозвано „китайщиной“, „реакціей“ и прочими страшными именами.

Но вотъ съ нами повторяется то же, что было сто лѣтъ

¹⁾ Вступительное чтеніе 12 сентября 1915 года.

назадъ и о чемъ сказано въ молитвѣ рождественскаго молебна. „О ихъ же ревновахомъ наставленіихъ, сихъ имѣяхомъ (а теперь и имѣемъ) враговъ буиныхъ и звѣроправныхъ“, —и у насъ уже заговорили о „развѣнчанномъ кумирѣ“ европейской культуры

и взоръ вперенъ съ любовью на Востокъ.

Война—горькое лекарство, но она лечитъ наше общество отъ „тоски постылой по странѣ чужой.“ Заныла въ русскомъ сердцѣ „тоска по родинѣ“. Настоящую войну уже назвали „освободительной“ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы хотимъ освободиться отъ чужаго вліянія и жить своимъ русскимъ умомъ. О необходимости такой именно освободительной войны говорятъ теперь громко. Не думаете-ли вы, что и нашъ долгъ принять живое участіе въ этой необходимой войнѣ? Но можемъ-ли мы принять какое-нибудь участіе въ этой войнѣ, сидя за этими высокими стѣнами монастыря, собираясь въ аудиторіи, подыскивая книги въ библиотекѣ и сгибаясь надъ этими книгами въ своихъ комнатахъ? Идетъ кровопролитная война на поляхъ брани. Тамъ нужны орудія и снаряды, а мы съ вами—люди безоружные. Начинается война съ нѣмцемъ въ области торговли и промышленности. Для этой войны нужны миллионныя капиталы, а наши капиталы состоятъ изъ копѣекъ и очень немногихъ рублей. Наши орудія—книги; наши снаряды—слова и мысли; мы проливаемъ не горячую кровь, а холодныя чернила. Но и этими орудіями мы можемъ и должны воевать со врагомъ. Я хочу вамъ сказать о необходимости освободительной войны въ области русскаго православнаго богословія. У насъ уже и въ газетахъ и въ журналахъ заговорили о „нѣметчинѣ“ въ богословіи. Съ особеннымъ удовольствіемъ всѣ эти рѣчи подхватили раскольники. По нашему адресу, по адресу профессоръ-богослововъ, наговорено много всевозможныхъ обвиненій, обвиненій самыхъ тяжкихъ и нерѣдко просто обидныхъ. На „нѣметчину“ въ русской богословской наукѣ ополчились многіе и изъ такихъ людей, которые не имѣютъ никакого отношенія ни къ русской, ни къ нѣмецкой наукѣ. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ о нѣмецкомъ засильи въ русскомъ богословіи я вижу, какъ люди, во первыхъ, впадаютъ въ крайность, и, во вторыхъ, не указываютъ дѣйствительнаго

врага, почему и весь поднятый важный вопросъ въ своемъ обсужденіи теряетъ приличную ему серьезность. Многие склонны усматривать засилье нѣмцевъ просто уже въ тѣхъ многочисленныхъ нѣмецкихъ цитатахъ, какія можно видѣть въ русскихъ богословскихъ книгахъ. Не хотятъ признавать никакихъ ученыхъ заслугъ нѣмцевъ. Забываютъ то, что наука не можетъ ограничиваться одними общими взглядами и выводами. Для настоящихъ научныхъ выводовъ нужна кропотливая черновая работа; для одного часа снѣтвеа перо нужны годы анализа. Въ этой черновой работѣ мы отъ нѣмцевъ отстали и поневолѣ должны пользоваться ихъ трудами. Вѣдь я думаю, что, если-бы можно было сейчасъ намъ получать орудія съ крупновскихъ заводовъ, ихъ не отвергли-бы только потому, что они нѣмецкія. Ихъ навѣрное взяли-бы, только направили-бы на нѣмцевъ. Но многія научныя орудія мы имѣемъ отъ нѣмцевъ, пользоваться ими можемъ, но должны давать имъ желательное для насъ назначеніе. Напримѣръ. У насъ много говорятъ объ изученіи святоотеческихъ твореній. А попробуйте-ка обойтись въ этомъ дѣлѣ безъ чужой помощи, если въ Россіи никогда не издавали святоотеческихъ твореній въ подлинникахъ! Захотите вы въ подлинникѣ изучить латинскаго церковнаго писателя,—вы, конечно, предпочтете лучшее изданіе *вѣнской* академіи наукъ—*Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*. Нуженъ будетъ вамъ древній греческій церковный писатель,—вы съ удовольствіемъ узнаете, что онъ уже имѣется въ томъ совершеннѣйшемъ изданіи, которое предприняла *прусская* академія наукъ—въ *Die griechische christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte*. Едва-ли можно представить себѣ что-нибудь болѣе совершенное въ научномъ отношеніи, чѣмъ изданіе „Церковной Исторіи“ Евсевія Кесарійскаго Эдуардомъ Швартцемъ! Пусть на этомъ изданіи, лишь только его откроешь, стоитъ нѣмецкій заголовокъ: „Eusebius Werke“, намъ отъ этого можетъ быть развѣ только стыдно, но едва-ли намъ это вредно!

Если говорить съ академической кафедры о необходимости освободительной войны въ области русскаго православнаго богословія, то нужно говорить серьезно,—не обращать вниманія на мелочи, но указать дѣйствительнаго и крайне вреднаго врага, опредѣлить, какъ и откуда онъ пришелъ и

почему у насъ онъ распространился и утвердился. Сдѣлать это я и попытаюсь. Я долженъ начать издалика и кратко напомнить нѣсколько извѣстныхъ историческихъ фактовъ, потому что чужеземное засилье въ русскомъ богословіи имѣетъ весьма глубокіе историческіе корни и стоитъ въ самой тѣсной связи съ событіями даже русской гражданской исторіи.

1.

Еще въ то время, когда Московская Русь жила своей са-мобытною жизнью, когда въ ней на всѣхъ случайно приѣзжавшихъ „басурманъ“ еще смотрѣли съ суевѣрнымъ ужасомъ, еще тогда Западная Русь не только вошла въ соприкосновеніе съ Западомъ, но и попала подъ западное вліяніе. Западная Русь была вѣдь подъ польской католической державой. Она уже давно встрѣтилась съ католичествомъ и съ трудомъ въ постоянной борьбѣ отстаивала свою вѣру и народность. Католичество кладетъ вскорѣ свою печать и на народное образованіе. Особенно это католическое вліяніе на западно-русское просвѣщеніе усиливается съ начала 16-вѣка. Съ Запада надвигался на католичество Западной Руси врагъ въ лицѣ реформациі и католическая іерархія начинаетъ устраивать для отраженія этого врага школы. Вызваны были такъ сказать янычары католичества—отцы іезуиты. Папскій нунцій убѣждалъ польскаго короля устроить въ своемъ государствѣ іезуитскія коллегіи, quasi praesidia religionis, какъ крѣпости вѣры ¹⁾. И вотъ въ теченіе 16-го вѣка Западная Русь покрывается цѣлою сѣтью іезуитскихъ коллегій во главѣ съ Виленскою академіей. Во всѣхъ этихъ школахъ обучались и православные. Іезуитская педагогика была поставлена такъ, что большинство воспитанниковъ возвращались въ католичество. На ихъ глазахъ католичество торжествовало побѣду повсюду: и въ богослуженіи, и въ догматикѣ, и въ полемикѣ, и на примѣрныхъ диспутахъ, гдѣ вооруженные блестящей діалектикой іезуиты побѣдоносно

¹⁾ К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религиозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань 1893, стр. 39.

спровергали все не-католическое ¹⁾. Но даже и тогда, когда воспитанникъ іезуитской школы оставался вѣренъ православію, онъ выходилъ изъ школы пропитанный католическимъ духомъ, особенно въ области богословія. И какъ могло быть иное, если при изученіи богословія его руководилъ doctor angelicus Тома Аквинскій со своей Summa totius theologiae!

Въ 1592 году кievскій митрополитъ Михаилъ Рагоза писалъ въ своемъ окружномъ посланіи: „ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ; паче же Словенскаго Россійскаго языка, и вси человѣцы приложишася простому несъвершенному Лядскому писанію, и сего ради въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ Богословіи силы съвершеннаго грамматическаго Словенскаго языка“ ²⁾. Митрополитъ указываетъ на недостатокъ національнаго православнаго образованія и на вредъ для православія отъ обученія „Лядскому писанію“. Недостатокъ православнаго образованія пытались возмѣстить устройствомъ православныхъ школъ западно-русскія братства. Въ противовѣсъ латинскому католичеству братскія школы на первомъ планѣ поставляли изученіе греческаго православія, но безъ латинскаго языка и безъ латинской науки не могли обойтись и православныя школы, потому что онѣ были въ католическомъ государствѣ и готовили гражданъ католическаго государства. Latina необходимы были въ Польшѣ ad forum, для дѣлъ и жизни гражданскихъ. Сильвестръ Коссовъ, напр., разсуждаетъ въ своемъ „Exegesis'ѣ“ такъ. „Латинскія науки нашему народу нужно изучать прежде всего для того, чтобы нашей Руси бѣдной не звали Русью глупой (zebu biedney Rusi naszey glupia Rusia nie zwano). Совѣтъ учиться только по гречески, а не по латыни, хорошъ въ Греціи, но не въ Польшѣ, гдѣ латинскій языкъ особенно распространенъ. Поѣдетъ бѣдняга русинъ на трибуналъ, на сеймъ, на сеймикъ, до города, до земства,—безъ латыни платитъ вины (bez lacińi plací winy); только, какъ коршунъ вытарашивши очи, присматривается онъ тамъ то къ тому, то къ другому“ ³⁾. Латинскій и польскій языки, а вмѣстѣ

¹⁾ К. Харламовичъ. Западно-русскія православныя школы, стр. 104 слл.

²⁾ Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, изд. Археогр. комиссіею. т. 4. Санктпетербургъ 1851, № 32, стлб. 42.

³⁾ С. Т. Голубевъ. Исторія Киевской Духовной Академіи (періодъ

съ ними и католическій духъ скоро проникли и въ самыя православныя школы. „Каждая школа прошла двѣ стадіи своего развитія: сначала она существовала, какъ школа греко-славянская, потомъ постепенно сближалась съ латино-польскою, при чемъ это сближеніе заходило порой очень далеко“¹⁾. Отдѣльные ревнители возставали противъ латинскаго ученія въ православныхъ школахъ. Таковъ, напр., былъ аѳонскій инокъ Іоаннъ Вышенскій, который говорилъ, что „плоды школы латынской гнилы и погибелію вѣчною смердяще“, что эта „проклятая школа ни одного ученика на спасеніе до царства небснаго годнымъ быти не породить и не научить, але всѣхъ студентовъ своихъ въ погибель вѣчную посылаетъ“, потому что учителя въ ней— „поганцы, аристотели, волхвы, еретики, оригены и другіе тому подобныя“. Читайте объ этомъ его сочиненіе „Зачапка мудраго латынника съ глухимъ русиномъ въ диспутацію“²⁾. Противъ латинскаго направленія школъ возмущался иногда самый народъ. Такъ, напр., когда архимандритъ Петръ Могила завелъ въ Кіево-печерской Лаврѣ collegію на іезуитскій манеръ, то „отъ неученыхъ поповъ и казаковъ веліе было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало и спасались. Было хотѣли самого Петра Могила и учителей до смерти побити: едва ихъ уговорили“³⁾. Казацкая расправа грозила быть серьезной. Вспомните изъ Гоголя картину казацкой расправы съ жидами въ Запорожской Сѣчи. „Перегопитъ ихъ въ Днѣпрѣ! Въ Днѣпрѣ ихъ, панове!“ Нѣчто подобное было и въ отношеніи латинской школы; по крайней мѣрѣ Сильвестръ Коссовъ, самъ подвергшійся погрому, вспоминаетъ: „Какіе перуны, какіе громаы посыпались тогда на насъ, невозможно и описать чернилами. Было такое время, что мы, исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ начинять нами желудки днѣпровскихъ осетровъ или же того огнемъ, другаго мечемъ от-

до-могилянскій). Вып. 1. Кіевъ 1886. Приложенія, стр. 82. (См. еще у Харламповича, Западно-русскія православныя школы, стр. 426.

1) К. Харламповичъ. Западно-русскія православныя школы, стр. 414—415.

2) С. Т. Голубевъ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, т. 1. Кіевъ 1883. Приложенія, стр. 102.

3) С. Т. Голубевъ. Петръ Могила, т. 1. стр. 436.

правять на тотъ свѣтъ“¹⁾. Но всѣ подобные протесты оказались однако безсильны предъ ходомъ исторіи. Православные ученые, постоянно полемизируя съ западными еретиками, сами пропитывались постепенно ихъ духомъ, заимствовали у нихъ богословскую систему и брали на прокатъ даже самое полемическое оружіе.

Утвердившись въ Западной Руси, католическое вліяніе проникло въ 17-мъ вѣкѣ и въ Русь Московскую. Въ области научно-богословской Московская Русь очень скоро попала подъ малорусское вліяніе. Въ прошломъ году вышелъ 1-й томъ капитальнаго труда проф. К. В. Харламповича—„Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь“ (Казань 1914). Здѣсь указаны только лица юго-западнаго происхожденія, которыя выступали дѣятелями на различныхъ поприщахъ великорусской церковной жизни. Отъ ознакомленія съ этой книгой получается весьма внушительное впечатлѣніе. Въ теченіе двухъ вѣковъ было у насъ на Москвѣ какое-то малороссійское нашествіе. „Пришельцы заняли самыя видныя и вліятельныя мѣста, отъ іерарховъ до управленій консисторій, ими устроенныхъ, отъ воспитателей семьи царской до настоятелей монастырскихъ, до ректоровъ, префектовъ и учителей ими же проектированныхъ школъ, до кабинетныхъ и типографскихъ ученыхъ, дѣлопроизводителей, дьяковъ и секретарей. Все почти подверглось ихъ реформѣ, по крайности неотразимому вліянію: богословское ученіе, исправленіе священнаго и богослужебнаго текста, печатаніе, дѣла раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты, внѣшность архіерейскихъ домовъ, образъ ихъ жизни, экипажи и упряжь, одежда служителей, напр. пѣвчихъ, видъ и составъ школъ, предметы и способы ученія, содержаніе библиотекъ, правописаніе, выговоръ рѣчи устной и въ чтеніи, общественныя игры и зрѣлища и т. д. и т. д.“²⁾

Московское просвѣщеніе въ 17 вѣкѣ попадаетъ подъ особенное вліяніе олатинившихся малороссовъ. Московское об-

¹⁾ С. Т. Голубевъ. Исторія Кіевской Духовной Академіи, стр. 229 и Приложенія, стр. 80.

²⁾ П. Безсоновъ. Бѣлорусскія пѣсни, пред. VI. См. у К. В. Харламповича. Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь, стр. III.

щество и московское правительство именно въ 17 вѣкѣ приходять къ мысли о необходимости устроить въ Москвѣ правильно организованную школу. Объ этомъ заботились и восточные патріархи. Они смотрѣли на Москву съ весьма опредѣленной надеждой, какъ на единственное мѣсто, гдѣ православіе пользуется поддержкой государственной власти. Константинополь былъ вѣдь уже въ рукахъ невѣрныхъ турокъ. Еще въ концѣ 16-го вѣка (въ 1598 году) александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ писалъ царю Феодору Іоанновичу: „устрой у себя, царь, греческое училище, какъ живую искру священной мудрости, потомучто у насъ источникъ мудрости грозитъ изсякнуть до основанія“ ¹⁾. Впрочемъ, школы въ Москвѣ не заводили до самаго почти конца 17-го вѣка. Ограничивались вызовомъ отдѣльныхъ ученыхъ людей. Такіе люди были нужны и церковному и государственному правительству. Но гдѣ такихъ людей взять? Ихъ брали въ Кіевѣ. Въ 17 вѣкѣ въ Москвѣ мы находимъ оригинальный типъ людей—такъ сказать придворныхъ монаховъ, приглашенныхъ изъ Кіева. Обязанности этихъ монаховъ были весьма сложны и разнообразны. Они переводили съ разныхъ языковъ почему-либо казавшіяся нужными книги; они же составляли лексиконы. Они говорили проповѣди и въ торжественныхъ случаяхъ особыя „ораци“²⁾. Они должны были писать торжественныя и поздравительныя вирши при радостныхъ событіяхъ дворцовой жизни и „Өрены“ или „Плачи“ по случаю той или другой смерти. Они сочиняли догматическіе трактаты и обличали раскольниковъ. На ихъ обязанности лежало составленіе церковныхъ службъ русскимъ преподаваемымъ, а также и „комедій“ для придворнаго театра. Но Кіевъ давалъ Москвѣ монаховъ различнаго направленія: одни были сторонники образованія греческаго, другіе — поклонники науки латинской. Столпомъ греческаго направленія и центромъ, вокругъ котораго собирались московскіе грекофилы, былъ кіевскій ученый Елифаній Славинецкій, жившій въ Чудовомъ монастырѣ. Современники отзываются о немъ съ самой рѣшительной похвалой. Это былъ „мужъ многоученый, не токмо грамматики и риторика, но и философін

¹⁾ *Малышевскій*. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ т. 2. Кіевъ 1872, стр. 10.

и самая теологія извѣстный испытатель и искуснѣйшій разсудитель“¹⁾. Но въ собственномъ смыслѣ придворнымъ монахомъ былъ Симеонъ Полоцкій. Это былъ ученый совсѣмъ иного направленія. „И той учивыйся, но не толико (какъ Епифаній), не бо бысть философъ, и то токмо учися, яко обычай есть полякомъ и литвяномъ полатински и попольски, греческаго же писанія ничтоже знаяше“²⁾. Но именно Симеонъ то Полоцкій и былъ наиболѣе вліятельнымъ въ Москвѣ ученымъ. Онъ былъ учителемъ царскихъ дѣтей—впослѣдствіи русскихъ правителей Феодора Алексѣевича и Софьи Алексѣевны. Подъ его руководствомъ во дворцѣ московскаго царя „въ сласть читали лядскія книги“, латинско-польское образованіе становится моднымъ во дворцѣ и на европейскій ладъ отчасти перестраивается дворцовая жизнь. Черезъ Симеона Полоцкаго и его ревностнаго ученика и послѣдователя Сильвестра Медвѣдева и черезъ другихъ имъ подобныхъ кievскихъ ученыхъ латинское вліяніе проникаетъ въ интересующую насъ область московской церковной жизни, въ область богословія. Въ концѣ 17-го вѣка въ Москвѣ разгорается интересный и весьма характерный богословскій споръ о времени преложенія святыхъ даровъ на литургіи, при чемъ кievляне латинскаго направленія прямо защищаютъ католическій взглядъ. Въ московскихъ соборахъ раздается настоящая схоластическая проповѣдь даже со ссылками на премудраго Анзельма, на Беллярмина и под. Представьте вы себѣ Москву 17-го вѣка съ ея церковнымъ православнымъ укладомъ жизни, съ ея полнымъ недоувѣріемъ ко всему чужому, съ ея боярами въ длинныхъ одеждахъ и высокихъ шапкахъ, съ ея благолѣпными соборами, гдѣ почиваютъ московскіе первосвятители... И вдругъ въ этой-то обстановкѣ раздается схоластическая проповѣдь со ссылками на Анзельма! Вполнѣ понятно то смущеніе, которое овладѣло русскими православными людьми при такихъ проявленіяхъ латинско-малороссійскаго нашествія на Москву. Раскольникамъ казалось, что и Никоновскія исправленія навѣяны латинствомъ, что тотъ самый „вселукавый врагъ“ сатана, ко-

1) См. О мудрѣйшемъ іеромонасѣ Епифаніи Славинцекомъ и о Симеонѣ Полоцкомъ. Остенъ. Казань 1865, стр. 70.

2) Остенъ, стр. 70--71.

торый „римское царство на западѣ, идѣже престоль его есть, учинилъ матеръ и пріятелище всѣхъ ересей и источникъ всякаго нечестія“, который въ образѣ латинянь „и въ наше пресвѣтлое Русское царство многожды заглядываль“, теперь „Россійское царство отторже хоботамъ своимъ Никономъ“ отъ православія ¹⁾. Основанія такой философіи исторіи находили въ Свящ. Писаніи. Римъ отпалъ чрезъ тысячу лѣтъ послѣ основанія Церкви, когда сатана былъ освобожденъ изъ темницы и вышелъ оболъщать народы (Апок 20 г.). А прибавить къ тысячѣ апокалипсическое число 666,—получится время Никоновскаго патріаршества. Извѣстный расколочитель бывшій Благовѣщенскаго собора дьяконъ Ѳеодоръ Ивановъ склоненъ былъ всю іерархію православную обвинять въ сочувствіи латинству. „Возненавидѣли они, окаяннии, пишеть оны, святыя сіонскія восточныя церкви матери нашей правыя догматы, и поругали, и попрали, а возлюбили и поцѣловали римскую блудницу... и приѣмлють съ честію, и слушають съ любовію проклятыхъ и лъстивыхъ ея дидаскаловъ, и отъ тѣхъ нечистыхъ духовъ напиваются мутнаго питія, яко свинія кабацкія барды“ ²⁾.

Расколочитель однако представляетъ дѣло въ совершенно превратномъ видѣ. На самомъ дѣлѣ московскіе іерархи 17-го вѣка всѣми мѣрами боролись съ латинскимъ вліяніемъ на православное богословіе. Вѣдь ужъ самъ ненавистный расколъникамъ великій Никонъ былъ выдающимся грекофиломъ. Но особенно много потрудился въ борьбѣ съ латинскимъ вліяніемъ тоже нелюбезный расколъникамъ патріархъ Іоакимъ, бывшій ранѣе патріаршества чудовскимъ архимандритомъ, другъ Епифанія Славинецкаго, покровитель выдающагося ревнителя греческаго православія чудовскаго инока Евемія. Патріархъ Іоакимъ все время своего патріаршества неустанно боролся съ латинствомъ, которое проникало въ Москву, и передъ смертію своею на соборѣ 1690 г. осудилъ „хлѣбопоклонническую ересь“ и другія латинскія мудрованія кievлянъ. Этому собору патріархъ сдѣлалъ обширный докладъ, извѣстный подъ именемъ „Слова поучательнаго“. Изъ этого слова

¹⁾ Проф. Н. И. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола въ первое время его существованія, т. 6, Москва 1881, стр. 281. 282. 284.

²⁾ Матеріалы для исторіи раскола, т. 6, стр. 252.

мы можемъ узнать образъ мыслей тогдашняго кормчаго русской Церкви и его оцѣнку происходившихъ во второй половинѣ 17-го вѣка событій. Здѣсь мы читаемъ.

„Въ царство благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, по плѣненіи польскаго государства, пришедъ изъ Полотска града въ царствующій градъ Москву нѣкто іеромонахъ, у езуитовъ учившійся полатинѣ, именемъ Симеонъ, прозваніемъ Полотскій, сказа себе восточнаго благочестія послѣдователя быти. Благочестивый же царь и священніи архіерее, повѣривше ему яко благочестиву и православному, вручаху ему всякія церковныя дѣла писати. Онъ же Симеонъ, аще быше человекъ ученъ и добронравенъ, обаче предъувѣщанъ отъ іезуитовъ, папешниковъ сущихъ, и прельщенъ бысть отъ нихъ, къ тому и книги ихъ латинскія чтяше, греческихъ же книгъ чтенію не быше искусенъ, того ради мудрствоваше латинская нововымышленія права быти, у іезуитовъ бо кому учившуся, наипаче токмо латински безъ греческаго, не можетъ быти православному весма, восточныя Церкви искреннему сыну; подвлагаютъ бо они, іезуити, учащіяся у нихъ подъ страшныя клятвы, еже быти имъ послушнымъ папѣ, отцу ихъ, и послѣдователемъ во всемъ и униатомъ и защитникомъ западнаго костела, яко нѣдци пострадавшіи сіе сами извѣствоваша. Написа онъ нѣкая писанія, собирая отъ латинскихъ книгъ, и иная же съ тѣхъ же латинскихъ книгъ готовая преводе. И во всѣхъ своихъ писаніяхъ написа латинскаго зломудрованія нѣкія ереси: аще отъ неискusstва, аще ухищренно, совѣсть его вѣсть, обаче овья прикровенно и неудобопознанно лежаще суть въ писаніихъ его“ ¹⁾). Далѣ патриархъ предаеть осужденію разныя сочиненія Симеона Полоцкаго. У Симеона была книга „Обѣдъ душевный“. Патриархъ говорилъ, что эта книга исполнена бѣдъ душевныхъ. „Книга „Вѣнецъ вѣры“, иже сплетенъ не изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, богоносныхъ отцевъ словесъ, но изъ бодливаго тернія на западѣ прозябшаго новшества, отъ вымышленій Скотовыхъ, Аквиновыхъ, Анзельмовыхъ, и тѣмъ подобныхъ еретическихъ блядословій“ ²⁾). Сочиненія Симеона Полоцкаго патриархъ запрещаетъ

¹⁾ Остенъ, стр. 130—131.

²⁾ Остенъ, стр. 132.

читать. „Данною намъ властію отъ всесвятаго Духа запрещаемъ всѣмъ православнымъ сыновомъ, послушнымъ архипастырства нашего, тѣхъ книгъ, яко подзоръ и ереси имущихъ, яко не благословенныхъ, никакоже дерзати народно и въ церквахъ прочитати, подъ церковною казнію, священнымъ—подъ изверженіемъ священства, людиномъ же—подъ отлученіемъ“¹⁾. Говоритъ въ своемъ „Словѣ“ патриархъ и о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ. „Послѣди же Сумеона полотскаго ученикъ его и наслѣдникъ монахъ Сулвестръ Медвѣдевъ, иже послѣди, за отступство и ересь и на святую восточную Церковь за злословія его, лишенъ образа святаго и званія мовашескаго и названъ прежднимъ именемъ Сенка Медвѣдевъ, прелстивыйся, яко самъ глаголетъ, отъ кievскихъ новотворимыхъ книгъ отъ латинскаго ученія и отъ книгъ и писаній и словесъ устоглаголаныхъ учителя своего, онаго уніата полоцкаго Сумеона (купно бо съ нимъ въ единой келліи живяше и всегда слышаше словеса его, латинскія мысли полна сущая, не познавъ, глаголетъ, лести онаго, прелстися въ слѣдъ его мудрованія), разширяше и утверждалше въ народѣ ересь ону латинскую“²⁾. „Книги новоторенныя кievскія, отъ нихже Сенка Медвѣдевъ прелстися“, патриархъ съ соборомъ предаетъ анаемѣ: „Аще кто отнынѣ таковая его, Сенки, и иныхъ писанія, у себе утая, держати возымать и злаго его плевелосѣятельнаго блядословія не отринетъ и писаній его діавололестныхъ не объявитъ и о томъ не покается и мѣрности нашей или отцемъ своимъ духовнымъ не исповѣдается и не отстанетъ, таковой да будетъ властію, данною намъ отъ всесвятаго и вседѣтельнаго Духа, вязати и рѣшити, связанъ и отъ Церкви святыя и пречистыхъ тайнъ причащенія отлученъ и вѣчную казнь отъ Бога приметъ“³⁾.

Такъ рѣшительно боролся святѣйшій патриархъ Іоакимъ съ латинствомъ, которое заносили въ Москву кievскіе ученые и „новоторенныя кievскія книги“. Съ кievскими книгами патриархъ боролся и раньше. Онъ учредилъ для нихъ самую строгую цензуру: заставлялъ перепечатывать, а иногда

1) Остенъ, стр. 138.

2) Остенъ, стр. 140—141.

3) Остенъ, стр. 146—147.

просто выдирать цѣлыя листы; иныя книги и совсѣмъ за-прещаль¹⁾. И однако западно-русскія книги широко распро-странялись по Московской Руси. Было нѣчто имъ благопрі-ятствовавшее. Что же именно? Это былъ московскій царскій дворъ, гдѣ были даже покровители іезуитовъ, вродѣ князя В. В. Голицына, столь близкаго къ Софѣѣ. Въ этихъ имен-но придворныхъ кругахъ находили поддержку и даже влія-ніе и Симеонъ Полоцкій и Сильвестръ Медвѣдевъ. Западно-русскіе ученые изобрѣли даже особый способъ для распро-страненія своихъ книгъ въ Москвѣ: они посвящали свои кни-ги особамъ царствующаго дома²⁾. Во дворцѣ эти книги на-ходили совершенно иной пріемъ, нежели у патріарха. При-дворный фаворитъ Симеонъ Полоцкій даже не подчинялся въ своей литературной дѣятельности цензурѣ и контролю патріарха. Объ этомъ самъ патріархъ говоритъ въ „Словѣ поучательномъ“. „Толико той Симеонъ освоеволился, дерзне, за нѣкіимъ попущеніемъ (очевидно, царскаго двора), яко и печатнымъ тисненіемъ нѣкія своя книги издати, оболгавъ мѣрность нашу, предъ-писа въ нихъ, якобы за нашимъ бла-гословеніемъ тыя его книги печатаны. Мы же, прежде типо-карскаго изданія тѣхъ книгъ ниже прочитахомъ, ниже яко-либо видѣхомъ, но, яже еже печатати, отнюдь не токмо бла-гословеніе, но ниже изволеніе наше бысть“³⁾. Очевидно, въ своей борьбѣ съ латинскимъ вліяніемъ патріархъ Іоакимъ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны западнической и латинофильствующей придворной партіи.

Но если патріарху Іоакиму не удалось очистить Москов-скую Русь отъ „новотворенныхъ кievскихъ книгъ“, то онъ одержалъ побѣду надъ латинской партіей въ дѣлѣ учре-жденія въ Москвѣ высшаго училища. Въ началѣ послѣдней четверти 17-го вѣка мысль объ устройствѣ такого училища окончательно созрѣла у московскаго правительства. Между греческой и латинской партіями началась борьба по вопросу о томъ, какою должна быть высшая московская школа—греческою или латинскою. Вокругъ патріарха группирова-

¹⁾ См. у проф. К. В. Харламовича. Малороссійское вліяніе. стр. 442—447.

²⁾ См. у проф. К. В. Харламовича. Малороссійское вліяніе, стр. 450 слл.

³⁾ Остенъ, стр. 138.

лась греческая партія. Мы имѣемъ и литературные памятники упомянутой борьбы, изъ которыхъ мы видимъ, какъ старалась греческая партія охранить московское богословское училище отъ латинскаго вліянія и въ чемъ усматривала она опасность латинскаго ученія. Обсуждается въ этихъ памятникахъ собственно вопросъ о томъ, учить-ли греческій языкъ или латинскій, но этотъ вопросъ имѣлъ тогда настоящій богословскій смыслъ. Языкъ былъ, можно сказать, знаменемъ того или другого богословскаго направленія. Въ нашей академической библіотекѣ есть рукопись съ заглавіемъ: „Доводъ вкратцѣ, яко ученіе і языкъ еллиногреческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученія, и чѣмъ пользуется славенскому народу“. Необходимость изучать греческій языкъ здѣсь доказывается различными соображеніями и дѣлается выводъ: „Подобаетъ наипаче учиться гречески, понеже тѣмъ языкомъ нетокмо не вредится православная вѣра, яко латинскимъ, но и зѣло исправляется, и учити купно съ славенскимъ, яко да временемъ и славенскій языкъ (который пребогатъ есть) очистился и медь и иныхъ ученыхъ языковъ сочетался. А по греческомъ ученіи, хотящему не вредительно учиться и латинскому, а въ первыхъ латинскому языку учиться велие опасеніе, яко да не латинскимъ языкомъ подкралася тайна и вѣра и обычей латинской, какъ видимъ въ разныхъ народѣхъ, наипаче въ французскомъ, зане ничего не премѣняетъ человекъ и нравы сиде, яко странное ученіе... А бѣлоруси хотя и учатся латинскимъ языкомъ, скудости ради греческаго ученія (кромѣ Львова, гдѣ учатся гречески), однакожде припоминати надобно, что малая часть изъ тѣхъ во унѣю не падаютъ, познавается въ нихъ останки езувическія, понеже езувиты не учатъ ихъ высокими науками, покамѣсть предъ Богомъ не обѣщаются держати латинской религіи“¹⁾.

Но еще болѣе интересный памятникъ сохранился въ рукописи Петроградской Академіи (№ 423), именно: „Разсужденіе—учитися-ли намъ полезвѣе грамматики, риторикн, философіи и еологіи, и стихотворному художеству и отуду

¹⁾ Прибавленія къ изданію твореній святыхъ отцевъ. 1889, ч. 44, стр. 679. 677.

познавати божественная писанія, или, не учася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати, и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати—и что лучше російскимъ людемъ учиться греческаго языка“. Возможно, что это сужденіе принадлежитъ чудовскому иноку Евѣмію. Это уже обширный трактатъ, написанный съ весьма основательной и даже разносторонней эрудиціей. Вотъ между прочимъ что мы здѣсь читаемъ. „Латинское о богословіи ученіе растлѣнно и губительно и къ прелести тѣхъ удобоотводительно. Древніи святіи отцы наши Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій Великій, Іоаннъ Дамаскинъ и иніи яко учася богословіи на гречестѣмъ языкѣ, тако и вѣроваху и писаху и ввѣренная имъ учасу. Латинници же вѣрують написанной имъ и растлѣнной богословіи отъ врага Церкви святыя восточныя іезуита Тома Аквинуса, тако и учатся и учать; и учившіися, кто-либо будутъ, удобно въ стремнину погибели тоя низстремляются, удалившеся святыхъ отцевъ ѳеологіи, яко глаголетъ мудрый грекъ Максимъ: „пагубная латинская ученія и мудрованія богоносныхъ отцевъ преданіемъ и ученіемъ толико далече отстоятъ, яко Богу единому исправить мѳощу сія; уразумѣють же глаголемыхъ силу не во другомъ градѣ, токмо въ самомъ Ромѣ бытъ; тамо беззаконно совершавшая узрять“. И паки: „еретическая велеречія и латинская послѣдняя новина и суетное—тма и мгла глубока; вся, яже у латинъ,—лютая и велику отвращенію достойна, яже богоносныхъ отцевъ учительствомъ не согласуются, не могутъ бо богословити правѣ“.

„Отъ ученія латинскаго, ничтоже еще видя, начинаются быти странныя подверги и чуждыя восточныя святыя церкви, матере нашея... и сія убо еще ниже начало приѣмшу латинскому ученію славяномъ; егда же тое ученіе въ дѣло произведеть и преуспѣвати начнетъ, не пострадати-бо по притчи: бѣжавшимъ дыма не власти бы въ пламень.“

Къ сему егда услышатъ латинское ученіе, въ Москвѣ наченшеся, врази истины, плевосѣятеле тернія западнаго по-среди чистыя пшеницы, изъ востока настѣянныя, лукавин іезуиты подыдутъ и неудобопознаваемыя своя силлогизмы, или аргументы душетлительныя, начнутъ злохитростно всѣвати, тогда что будетъ? Ничто ино, точію окопѣлый чисти-

тельнаго огня дымомъ латинскаго смышленія зачнется куколь и родить любопрѣнія, потомъ (пощади, Боже) отступление отъ истины, еже страждеть или уже пострада малая Россія; приучившися латинѣ, быша мало не вси уніаты; рѣдци и останахся православніи.

Сихъ ради всѣхъ подобаетъ некосненно, недремлющимъ умомъ архипастыремъ и всѣмъ купно и начальникомъ духовнымъ и мірскимъ предразумѣвати, предваряти, премышляти и угашати моленми, ученми и запрещенми малую искру латинскаго ученія, не дати тѣй раздмитися и воскреситися, да не пламень западнаго зломысленнаго мудрованія, растекся, попадеть и въ ничто же обратитъ православія восточнаго истину, егда-бо многогородный той огонь распалится и кто въ него ввалится, той и съ великимъ трудомъ отъ того не свободится, но вѣчно въ томъ потопится.

Аще же народъ великороссійскій будетъ учитися греко-славенски (подаждь, Господи) и чести книги оныя, всѣхъ сихъ предреченныхъ бѣдъ избѣгнуть, и согласны во всемъ и купночинны будутъ съ восточною святою Церковію и со святѣйшими, равночисленными святымъ евангелистомъ, патріархи, и истинно ученицы Христовы будутъ и здрави и тверды, и непозыбленны отъ прираженія инославныхъ пребудутъ въ православной вѣрѣ, основани не на песцѣ новомышленій, но на твердомъ основаніи водруженни, на самомъ краеугольномъ камени Христвъ, иногубо основанія никто же можетъ положить.

Еще же и святѣйшіи патріарси подадутъ вящее благословеніе и молитву о благостояніи великороссійскаго царствія, и народи вси окружніи, сущи православія восточнаго, Богу возблагодарятъ и царскому величеству приклонятся, но и противніи западницы и иніи мужеству, твердости и постоянству въ вѣрѣ великороссійскаго народа почудятся, яко ничтоже возможе ихъ поколебати. И свой народъ, наченъ отъ благородныхъ до простыхъ, и самыхъ, глаголю, поселянъ, услышавше ученіе греческое, возрадуются и похвалятъ, и мятежницы Церкви, отложивше всякую молву, утишатся и Церкви святѣй покорятся и прилепятся чрезъ покаяніе.

Аще же услышится въ народѣ, паче же въ простакахъ,

латинское ученіе, не вѣмъ, коего блага надѣяться, точію, избави Боже, всякія противности“¹⁾).

Всѣ эти и имъ подобныя разсужденія весьма характерны: они намъ показываютъ, насколько патріархъ московскій и его единомышленники твердо и непреклонно стояли на стражѣ чистоты православія и съ какимъ опасеніемъ смотрѣли они на возможность латинскаго вліянія на православное богословіе. Латинское богословіе они почитали совершенно чуждымъ духу Церкви, почему и охраняли отъ этого богословія православную школу.

Въ дѣлѣ устройства въ Москвѣ высшаго училища греческая партія, возглавляемая патріархомъ Іоакимомъ, взяла верхъ. Въ 1682 году составлена была знаменитая „привиллегія на Академію“. Здѣсь Академіи предоставлялись весьма широкія права. Академія не только должна была быть ученымъ и учебнымъ учрежденіемъ; ей принадлежитъ надзоръ за народнымъ образованіемъ, надъ книгопечатаніемъ, надъ чистотой православной вѣры, даже судъ по религіознымъ преступленіямъ. Неизвѣстно, кѣмъ эта привиллегія составлена. Считали ее произведеніемъ Симеона Полоцкаго²⁾, но несомнѣнно, что окончательная ея редакція принадлежитъ сторонникамъ греческаго православнаго образованія³⁾.

Въ нѣкоторыхъ своихъ мѣстахъ привиллегія прямо направлена противъ южно-русскихъ ученыхъ, которые могутъ занести въ школу латинское вліяніе. „А иже имуть въ наше царствіе изъ литовскія страны и изъ малыя Россіи и изъ иныхъ странъ ученые люди, хотящіи здѣ въ нашихъ училищахъ Блюстителемъ и Учителыми быти, пріѣзжати и о себѣ повѣдати, яко они благочестивые, и отъ благочестивыхъ родителей рождены и воспитаны въ православной восточной вѣрѣ: и онымъ безъ подлиннаго объ нихъ извѣстія, и достовѣрныхъ благочестивыхъ людей свидѣтельства словесемъ ихъ не вѣрити, и въ Блюстители и во Учители ихъ не устроить, аще бы кто изъ нихъ и писаніемъ правду

1) См. *М. Сменцовскій*. Братья Лихуды. С.-Петербургъ 1899. Приложенія, стр. XXII—XXIII. XXIV—XXVI.

2) *Героевъ Татарскій*. Симеонъ Полоцкій. Москва 1886, стр. 261 сл.

3) *Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ*. О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ. Прибавленія къ твор. свв. отцевъ, ч. 44, стр. 655 сл. особ. 670.

вѣры наша восточная удостовѣряль, а неправду на ону нашу православную вѣру отъ римлянъ и отъ лютеровъ и отъ кальвиновъ, и отъ иныхъ ересей наносимыя обличаль и укоряль: того ради, что обычай есть таковыми способы прелестникамъ въ вѣрахъ замѣшеніе творити; прежде такови являются якобы совершенно благочестивые, и по благочестіи ревнители крѣпкіе, а потомъ, егда увѣрятся быти благочестивыми, тогда помалу развратная словеса вѣрѣ нашей всѣвати, и оныя непорочную цѣлость терзати начинаютъ¹⁾.

Еще раньше изданія этой привиллегіи патріархъ открылъ при типографіи начальное греческое училище, а когда съ Востока прибыли отъ патріарховъ греки „самобратія“ Лихуды Іоанникій и Софроній, положено было основаніе Славяно-Греко-Латинской Академіи, гдѣ сразу же получилъ господство греческій языкъ: на греческомъ языкѣ велось самое преподаваніе, греческія были и учебныя руководства. Сама Академія въ первое время называлась „Греческими школами“, „Еллино-Славенскими схолами“²⁾.

Такъ Россійская Православная Церковь 17-го вѣка, возглавляемая святѣйшимъ патріархомъ, твердо держалась греческаго православія и всѣми силами боролась съ чуждымъ латинскимъ богословіемъ, которое заносили въ Москву ученые малороссы.

Благодаря неуныннымъ трудамъ ревностнаго патріарха, въ Москвѣ побѣждаетъ греческое направленіе, а все латинское отделяется отъ новой духовной школы.

Нужно сказать, что московскій патріархъ былъ не одинокъ въ борьбѣ противъ латинскаго вліянія. Пусть онъ уже не находилъ сочувствія въ этой борьбѣ со стороны московскаго правительства,—съ нимъ за одно были восточные патріархи.

Русская церковь была тогда въ весьма оживленныхъ сношеніяхъ со вселенскими патріархами, которые и лично пріѣзжали въ Москву, и обмѣнивались грамотами съ русскимъ церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ. Восточные патріархи всегда поддерживали русскую іерархію въ борьбѣ

¹⁾ Прибавленія къ твореніямъ свв. отцевъ, ч. 44, стр. 663—664.

²⁾ С. К. Смирновъ. Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. Москва 1855, стр. 38—39. 44—60.

съ латинствомъ, иногда даже побуждали къ этой борьбѣ и всѣми мѣрами способствовали укрѣпленію и господству въ Москвѣ образованія православнаго греческаго. Въ день Рождества Христова 1668 года отъ лица присутствовавшихъ въ Москвѣ патріарховъ было произнесено слово „О взысканіи премудрости Божественныя“. Здѣсь патріархи скорбятъ о томъ, что въ православномъ родѣ російскомъ пренебрегается изученіе греческаго языка и настойчиво убѣждаютъ царя, іерарховъ и весь народъ позаботиться объ устройствѣ въ Москвѣ греческаго училища. „Положи отнынѣ, обращаются патріархи къ царю Алексѣю Михайловичу, въ сердцѣ твоёмъ, еже училища — тако греческія и иная—назидати, спудеовъ милостію си и благодатію умножати, учителя благоискусны взыскати, всѣхъ же честми на трудолюбіе поощряти, то абіе узриши многи ученія тщатели, а по малѣ времени приимеши, дастъ Богъ, плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣмянъ“ ¹⁾.

Но особенно слѣдуетъ упомянуть іерусалимскаго патріарха Досіея, великаго ревнителя православія въ 17 вѣкѣ, зорко слѣдившаго за русской церковной жизнью и часто писавшаго посланія русскимъ патріархамъ, царямъ, даже отдѣльнымъ церковнымъ и гражданскимъ дѣятелямъ. На Россію патріархъ Досіей смотрѣлъ какъ на опору всего вселенскаго православія, а потому Россіи прежде всего необходимо во всей строгости и чистотѣ держаться православной вѣры. Съ большой тревогой и великимъ опасеніемъ смотрѣлъ патріархъ на усиливающееся въ Москвѣ западное, преимущественно католическое, вліяніе. О католичествѣ патріархъ Досіей мыслилъ весьма опредѣленно. „Папезская прелесть однозначуша съ безбожіемъ, ибо что есть папезство и что есть унія, если не явное безбожіе?“ „Беззаконные папезники горше нечестивыхъ и безбожныхъ; они безбожны, ибо два Бога предлагаютъ—единого на небеси, а другаго на земли“. „Ничто ино есть папезничество, но развѣ точію явно и не усумнительное безбожіе“ ²⁾. „Латиняне, вводящіе въ вѣру,

¹⁾ См. *проф. Н. О. Каптеревъ*. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. т. 2. Сергіевъ посадъ 1912, стр. 457 слл.

²⁾ *Н. О. Каптеревъ*. Сношенія іерусалимскаго патріарха Досіея съ русскимъ правительствомъ. Москва 1891, стр. 87—88.

въ таинства и во всѣ постановленія церковныя новости, суть явные нечестивцы и раскольники, потомучто частную церковь дѣлають вселенскою, и вмѣсто Христа почитають главою Церкви папъ, и римскую церковь, которая есть частная церковь, они почитають вселенскою. И потому, по словамъ отцовъ и учителей Церкви, они суть обманщики, негодные и безстыдные люди, неимѣющіе любви, враги мира Церкви, клеветники православныхъ, изобрѣтатели новыхъ заблужденій, непокорные, отступники, враги истины, завистники, упорные, непослушные, какими признають ихъ отцы, а потому достойны презрѣнія“ ¹⁾. Вполнѣ понятно, что патріархъ Досиеей рекомендовалъ московскому правительству самыя рѣшительныя мѣры для пресѣченія католическаго вліянія. Патріархъ зналъ, что въ Москвѣ органами католическаго вліянія были малороссы,—такъ не пускать ихъ въ предѣлы московскаго царства, особенно не давать имъ іерархическихъ должностей! „Подобаеть вѣдати, яко отнелѣже новосѣкоша латини въ символѣ вѣры и отторгошася церкви, падоша во многая беззаконная новосѣченія, якоже прегордое папезство возмути и смущаеть и обычаи и каноны и преданія не точію святыхъ отецъ, но и самихъ духоносныхъ апостолъ. Росы же на Украинѣ, аще и хранять православіе непоколебленно, обаче многія обычаи православныхъ растлиша“ ²⁾. „О если-бы, благочестивѣйшіе, и тамъ въ Москвѣ сохраненъ былъ древній уставъ: да не бывають игумены и архимандриты изъ рода казацкаго, но москали и на Москвѣ и въ казацкой землѣ, а казаки только въ казацкой землѣ, ибо не подобаеть запрягать вкупѣ коня и осла, ниже ткать вкупѣ руно и ленъ. Далеко да будутъ казаки священники отъ игуменства московскаго и отъ иного достоинства. Хотя и исповѣдуемъ казаковъ быти православными, однако многіе изъ нихъ имѣють нравы растлѣнные и нравы сіи не подобаеть отъ нихъ перенимать тамошнимъ православнымъ“ ³⁾. „Аще пріѣдутъ отсюда или сервы или греки или иного народа туды, аще бы и случайно были мудрѣйшія и святѣй-

¹⁾ Исторія патріарховъ іерусалимскихъ, Кн. 10, ч. 3, гл. 1, пар. 9.

²⁾ Н. О. Кантєревъ. Сношенія патріарха Досиея. Приложение № 16, стр. 69.

³⁾ Архивъ Юго-западной Россіи, V, стр. 154.

шія особы, ваше державное и богоутвержденное царствіе да никогда сотворить митрополитомъ или партріархомъ грека, серва или и русянина, но москвитяновъ, и не просто москвитянь, но природныхъ москвитянь многихъ и великихъ ради вишь: ...наипаче же москвитяне суть хранителие и хвалителие своихъ догмать. Но грекомъ и сервомъ и русяномъ не подобаеть имѣти владѣніе въ Московіи, зане можетъ быти и добрымъ имъ, но вящши можетъ быти противнымъ. Потомъ москвитяне хранять отеческую вѣру не новосѣченую, сущи не любопытательнии и не лукавии человекѣ; но страннии и онии, прехождаху здѣ и тамо, могутъ произвести нѣкія новости въ церкви“ ¹⁾. „Аще великое твое царствіе, писалъ Досіеѣй уже Петру, имѣеть намѣреніе учинить избраніе патріарха, да повелить, чтобъ не учинилося избраніе особы изъ казаковъ и (мало) россіянь и сербянь и грековъ, зане суть много смѣшени и сплетени съ схизматиками и еретиками, тѣмъ же ниже имуть не лестна и чиста во всемъ православнаго догмата, но да повелить быти избранію особы изъ самаго москвича, а чтобъ былъ старъ и добраго гражданства, зане москвитяне патріархи покамѣсть были, хранили цѣлу православія проповѣдь“ ²⁾.

Въ Москвѣ, узнаеть патріархъ Досіеѣй, появились въ большемъ изобиліи западныя книги ³⁾ и онъ пишетъ патріарху московскому Іоакиму въ 1679 году: „Внимайте съ великимъ прилежаніемъ, чтобъ никто изъ вѣрныхъ, какъ отъ великихъ, такъ и отъ малыхъ, чтобъ не чли и отнюдь бы не держали у себя такія книги, въ которыхъ содержится скверное и безбожное ученіе папныхъ поклонниковъ, или безбожное и скверное ученіе лютеровъ и кальвиновъ, понеже наполнены суть лести и лукавства, и въ притвореніи благочестія имѣють ученіе безбожства“ ⁴⁾. Чрезъ два съ половиной года, въ началѣ 1682 года, патріархъ Досіеѣй снова пишетъ патріарху Іоакиму: „Храни, храни, храни стадо Хри-

1) Грамота государю отъ 2 іюня 1702. года. *Н. О. Кантеевъ*. Сношенія патріарха Досіеѣя. Приложение № 8, стр. 42.

2) Тамъ же. Приложение № 11, стр. 56.

3) См. объ этомъ подробно *проф. К. В. Харламовича*. Малороссійское вліяніе, стр. 440 слл.

4) *Проф. Н. О. Кантеевъ*. Сношенія патріарха Досіеѣя. Приложение № 14, стр. 64.

ство чисто отъ латинскаго письма и книгъ, яко все въ нихъ есть ученіе антихристово, понеже есть полны новосѣченія, полны хулы; въ нихъ бо есть безбожіе калвиново и лютерово, довлѣетъ благолѣпіе и красота святя Христовы церкви; не мѣшайте со блудники, глаголаше апостоль, блудники же есть еретики и книги ихъ. Великій царь Константинъ и Θεодосій и Устиніанъ законоположиша Порфирія и Манента книги да не обрѣтаются, идѣже обрящутся, да сожгутся, и елицы я хоронятъ, смертію да казнятся. Тако сотворите и вы о латинскихъ книгахъ, яко есть лестныя и прелестныя... И аще кто ученія ищетъ, еллинскому языку учитесь, а не другому“¹⁾. Совѣтуя безпощадно жечь латинскія книги, патріархъ въ то же время усиленно убѣждалъ „на Москвѣ устроить типографію еллиногреческую и нѣскольکو книгъ на противниковъ Церкви Божіи латиновъ напечатать, а по напечатаніи тѣ книги и на словенскій языкъ перевести, отъ чего будетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ многая и великая польза, а еретикомъ и противникомъ посрамленіе“²⁾. Нужно печатать богословскія книги, „дабы сотканное беззаконными изъ терновыхъ нитей гнойное лжеученіе разорвать и истребить, хитонъ же православія распространить“³⁾.

Патріархъ содѣйствовалъ открытію въ Москвѣ греческой школы и радостно привѣтствовалъ это открытіе, причемъ высказалъ и свой взглядъ на изученіе греческаго языка: „И сіе есть божественное дѣло, еже учити Христіаномъ Еллинскій языкъ, во еже разумѣти книги православныя вѣры якоже писани суть, и познавати толкованіе ихъ удобно, и наипаче дабы отдалени были отъ Латинскихъ, иже исполненіи суть лукавства и прелести, ереси и безбожства“⁴⁾. Въ другомъ случаѣ патріархъ Досифей выразилъ свой взглядъ на изученіе русскими языковъ еще болѣе рѣзко. Дьякъ Полянскій обратился къ патріарху съ вопросомъ: слѣдуетъ-ли дѣтей обучать греческому или латинскому языку. Патріархъ

1) Тамъ же. Приложение № 15, стр. 67.

2) *Н. О. Катеревъ*. Сношенія патріарха Досифея, стр. 103—104.

3) *См. тамъ же*, стр. 108—109.

4) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святейшаго Правительствующаго Синода, т. 1, Санктпетербургъ 1868. Приложение, слб. ССССН.

пишетъ въ отвѣтъ: „Несравненно предпочитается еллинскій языкъ латинскому, а кто предпочитаетъ латинскій, тотъ еретикъ и нечестивый“... 1)

Какъ можно видѣть, по всѣмъ вопросамъ борьбы съ латинствомъ московскій патріархъ имѣлъ совѣтника и единомышленника въ лицѣ патріарха іерусалимскаго. Въ этомъ единеніи съ Востокомъ московское церковное правительство имѣло, конечно, не малое пособіе въ борьбѣ со врагомъ. Твердая церковная власть патріарха, опирающагося на единеніе съ восточными церквами—вотъ что съ успѣхомъ противопоставляло московское православіе 17-го вѣка чужеземному латинскому нашествію! Борьба съ латинствомъ была поэтому даже успѣшна, хотя латинству уже сочувствовалъ царскій дворъ. Свободная русская церковь не подчинялась чужеземному засилью въ богословіи.

Но скоро все на Руси стало по иному.

2.

Послѣдній годъ патріаршества Іоакима былъ первымъ годомъ единоличнаго царствованія Петра. На царскомъ престолѣ оказался протодіаконъ всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора...

Когда я вспоминаю о Петрѣ,—у меня невольно запрашиваются стихи Константина Аксакова „Петру“:

Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ
тобою презрѣна была,
и на твоємъ великомъ дѣлѣ
печать проклятія легла.

Эта печать лежитъ на всемъ восемнадцатомъ вѣкѣ русской исторіи. Больно и обидно для русскаго сердца читать исторію этого несчастнаго вѣка, когда „птенцы гнѣзда Петрова“ дурачились, по выраженію Ключевскаго, надъ Россіей. Среди этихъ „птенцовъ“ въ изобиліи появились нѣмцы, съ которыми Петръ прежде устраивалъ походы на Ивашку Хмельницкаго въ нѣмецкой слободѣ, потомъ перевелъ ихъ, еретиковъ и чужеземцевъ, сначала въ московскій кремль, а

1) Греческія дѣла 1702 г. № 1. Н. О. Кантеревъ. Сношенія патріарха Досіея, стр. 172.

послѣ и въ свой сѣверный „Парадизъ“, имя которому, какъ добровольное признание,

на чуждомъ языкѣ дано.

Началась въ исторіи Россіи *петербургская* эпоха...

Настало время зла и горя,

настало время нѣмецкаго засилья, когда русскій народъ съ недоумѣніемъ увидалъ у себя нѣмецкое правительство, когда даже

...корону Мономаха
курляндскій конюхъ примѣрялъ.

Для Православной Церкви съ Петра настали тяжелые дни. Петровская реформа производилась въ военное время; поэтому она носила нервно-болѣзненный характеръ, часто теряла всякій смыслъ и серьезность, когда, напр., вторгалась въ вѣдомство портныхъ и парикмахеровъ. Это была революція по приемамъ и по впечатлѣнію, какое произвела она на умы и нервы современниковъ ¹⁾. Понятна народная оппозиція такой реформѣ, которая представлялась непонятной ломкой вѣковѣчныхъ обычаевъ, стариннаго уклада русской жизни, освященныхъ временемъ народныхъ вѣрованій и привычекъ ²⁾. Народъ отозвался на Петровскую реформу сказаніемъ о царѣ самозванцѣ и о царѣ антихриствѣ. „Нѣмцы обогнали его. Вотъ ужъ и на Бога наступилъ, съ церковью колокола снимаетъ“. Если Петръ на Бога и не наступилъ, то несомнѣнно онъ наступилъ на Православную Церковь и на православную іерархію, наступилъ всей своей тяжелой ступней.

Въ древней Руси православная іерархія была вполнѣ народна: она жила народной жизнью, имѣла на нее могущественное вліяніе и пользовалась полнымъ уваженіемъ и авторитетомъ. Великорусская іерархія вмѣстѣ съ народомъ раздѣляла и несочувственное отношеніе къ Петровской революціи. Несочувствіе и даже временами противодѣйствіе іерархіи сердило гнѣвнаго царя и онъ заявлялъ: „многому

¹⁾ Проф. В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. ч. 4. Москва 1910, стр. 285—292.

²⁾ Проф. В. О. Ключевскій. Тамъ же, стр. 297 слл.

злу корень старцы и попы“. И вотъ Петръ начинаетъ мѣнять или, лучше сказать, подмѣнивать іерархію. Въ великороссійскія епархіи онъ назначаетъ іерарховъ малороссовъ, которые сочувствовали-бы его реформамъ, защищали-бы ихъ съ церковнаго амвона,—пусть даже они будутъ и невысокаго нравственнаго уровня и весьма сомнительнаго православія. Таковы были, напр., Θεодосій Яновскій и Θεοφάνъ Прокоповичъ, много зла принесшіи и отдѣльнымъ людямъ и всей русской церкви. Наряду съ чужимъ правительствомъ создавалась и чужая іерархія. Засилье малороссовъ въ церковномъ управленіи достигло въ 18-мъ вѣкѣ высшаго напряженія. Уже Екатерина II по политическимъ соображеніямъ издала указъ, по которому, такъ сказать, давалось великороссамъ равноправіе съ малороссами въ великороссійскихъ епархіяхъ. Малороссійская іерархія, насажденная Петромъ, была крайне не популярна. Къ ней относились презрительно и враждебно и народъ, и духовенство. „Черкасъ“, „ляшенокъ“, „обливанецъ“—такъ обыкновенно величали малороссовъ-іерарховъ, отъ которыхъ нерѣдко приходилось терпѣть большія обиды. „Возникли у нихъ кареты дорогія и возки золотыя. А мы, побѣдные, утѣсенные, дневно плачемъ; различно велятъ секретарямъ и канцеляристамъ намъ, русскимъ, досаждать и пакости чинити, а своихъ черкасовъ снабждаютъ и всяко охраняютъ“¹⁾. Θεοφάνъ заходилъ такъ далеко, что ему въ 1726 году даже Екатерина указала: „впредь ему, архіерею, противностей св. Церкви никакихъ не чинить, и имѣть чистое безсознательное житіе, какъ всѣ великороссійскіе православные архіереи живутъ“²⁾.

Твердая и болѣе или менѣе самостоятельная церковная власть, которая, какъ мы видѣли, боролась въ 17 вѣкѣ съ латинскимъ вліяніемъ на богословіе, была не въ интересахъ Петра; ему нужно было ее устранить. И Петръ уничтожаетъ патріаршество, назначая мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола малоросса Стефана Яворскаго, а потомъ учреждая „Духовный Коллегіумъ“. Недобросовѣстные софизмы, которыми Θεοφάνъ Прокоповичъ доказываетъ въ „Регламентѣ“, вопреки 34 апостольскому правилу, преимущества коллегі-

¹⁾ У проф. К. В. Харламповича. Малороссійское вліяніе, стр. 474.

²⁾ Тамъ же.

альнаго управленія въ помѣстной церкви, конечно, никого не убѣдили. Ясна была дѣйствительная цѣль реформы — „укратити будто-бы вельми жестокою епископовъ славу“, т. е. лишить церковную іерархію прежняго вліянія на народную жизнь. Синодъ не могъ замѣнить собою для церковной и народной жизни патріарха, тѣмъ болѣе что Петръ наполнилъ Синодъ при его открытіи малороссами. Въ первоначальномъ составѣ Синода было пять западно-руссавъ, одинъ сербъ, одинъ грекъ и четыре великоросса, при чемъ президентъ и оба вице-президенты были малороссы. Понятенъ грубый протестующій отзывъ троице-сергіевскаго іеромонаха Викентія Чернцова: „Что де за Синодъ, и какой Синодъ! Въ Синодѣ всѣ дураки, поляки“¹⁾.

Русская церковная власть, говорилъ я, находила себѣ опору и поддержку въ единеніи съ восточными патріархами. Со временъ Петра Россія не видѣла вселенскихъ патріарховъ до 1913 года. Самъ Петръ, конечно, считалъ излишнимъ совѣтоваться съ патріархами. Онъ обращался къ нимъ развѣ только затѣмъ, чтобы они разрѣшили „Пресвѣтлѣйшему, и Благочестивѣйшему Величайшему во Христѣ Царю всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи всея сѣверныя страны Обладателю, Государю Петру Алексѣевичу употребленіе и причащеніе мясъ во вся добръ учиненные посты всего лѣта“²⁾.

Петръ наложилъ свою тяжелую руку и на русское просвѣщеніе. Мы видѣли, какъ московское правительство 17-го вѣка заботилось о научномъ просвѣщеніи именно въ духъ греческаго православія. Петру этотъ религіозный интересъ былъ совершенно чуждъ. Онъ не только началъ отправлять русскихъ людей для обученія къ самимъ западнымъ еретикамъ, но и въ Москвѣ на Покровкѣ устроилъ нѣмецкую гимназію протестантскаго пастора Глюка, тѣмъ болѣе что у этого именно Глюка проживала *schönes Mädchen von Marienburg*, ливонская крестьянка и будущая русская императрица Екатерина I³⁾.

¹⁾ Проф. К. В. Харламовичъ. Малороссійское вліяніе, стр. 471—472.

²⁾ Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, томъ 5. СПб. 1830. № 3020, стр. 468.

³⁾ См. объ этой гимназіи у проф. В. О. Ключевскаго. Курсъ русской исторіи, ч. 4, стр. 322—327.

Коснулся, наконецъ, весьма рѣшительно Петръ и специально церковной школы, молодой Московской Академіи, гдѣ, какъ мы видѣли, въ концѣ 17-го вѣка по настоянію патріарха утвердилось греческое направленіе. Съ Петра начался новый періодъ въ исторіи Академіи. „Когда же по смерти патріарха Адріана, въ 1701 году, Пресвященному Митрополиту Рязанскому, Стефану Яворскому поручена въ правленіе патріаршая епархія, и повелѣно указомъ завести въ томъ же монастырѣ и Академіи латинскія ученія; тогда онъ призывалъ изъ Кіева учителей духовныхъ“... и „на Латинскомъ діалектѣ производились ученія въ Заиконоспасскомъ монастырѣ“¹⁾. Съ 1704 года до временъ митрополита Платона Академія большею частію имѣла наставниковъ изъ Кіева, которые въ преподаваніи слѣдовали учебнымъ руководствамъ кіевскимъ, и ввели въ жизнь Академіи порядки, изстари заведенные въ Кіевѣ, словомъ, сообщили ей свой духъ, свое направленіе. Есть основаніе думать, что для ускоренія образованія кіевскіе наставники привезли съ собою въ Москву даже подготовленныхъ учениковъ изъ Кіева: въ дошедшемъ до насъ списокѣ учениковъ философіи 1704 г. въ числѣ 34 человекъ только трое великороссіянъ, а всѣ прочіе имѣютъ фамиліи бѣлорусскія и польскія. Всѣ уроки читались и сочиненія были писаны на одномъ латинскомъ языкѣ²⁾. Академія утратила не только свое прежнее греческое направленіе, но и греческое имя. Название „Славяно-Греко-Латинская Академія“ утвердилось уже со временъ митрополита Платона. До Петра, мы видѣли, Академію называли „Еллино-славенскими схолами“. Въ сенатскихъ же указахъ петровскаго времени Академія называется „Латинскими школами“³⁾ или „Славяно-Латинскими“⁴⁾; самое ученіе въ Академіи именуется „наукой Латинскаго языка“⁵⁾.

1) Историческое извѣстіе о Московской Академіи, сочиненное въ 1726 году отъ Справщика Ѳедора Поликарпова, и дополненное Пресвященнымъ Епископомъ Смоленскимъ Гедеономъ Вишневскимъ. Древняя Россійская Вивлюэнка, ч. 16. Москва 1791, стр. 302—303.

2) С. К. Смирновъ. Исторія Славяно-Греко-Латинской Академіи, стр. 81—82.

3) Полное Собраніе Законовъ, т. 5. № 2978, стр. 189.

4) Полное Собраніе Законовъ, т. 5. № 3182, стр. 554.

5) Полное Собраніе Законовъ, т. 5. № 3182, стр. 554.

Со скорбью узналъ іерусалимскій патріархъ Досіеѣй о перемѣнѣ направленія въ Московской Академіи. Онъ надѣялся, что эта перемѣна—явленіе мимолетное, что „Богу благословящу, возбудятся стражи каеволическія Церкви Христовы, и всѣ тутъ сущіе возчувствуютъ обоняніе смерти, скрытое въ обоняніи жизни, и попрутъ его ногами и сокрушатъ“¹⁾. Надежда патріарха была напрасной. Будущее обѣщало мало утѣшительнаго. Вѣдь въ 18-мъ вѣкѣ бывали времена, когда всякое слово въ защиту православія и въ обличеніе западныхъ ересей считалось политическимъ преступленіемъ, оскорбленіемъ господствующей при дворѣ яѣмецко-курляндской партіи. Нѣкоторые епископы теряли каедрны и попадали въ тюрьму за то только, что издавали и распространяли „Камень вѣры“ Стефана Яворскаго, это обширное полемическое сочиненіе, направленное противъ протестантовъ. Распространеніе „Камня вѣры“ Теофанъ Прокоповичъ, сочувствовавшій протестантству, считалъ личнымъ оскорбленіемъ, а оскорблять Теофана было опасно, потому что это былъ другъ Бирона и Остермана.

При полномъ господствѣ малороссовъ въ Академіи въ 18 вѣкѣ утвердилось западное схоластическое богословіе. Въ качествѣ авторитета ссылались, между прочимъ, на Оому Аквината, у котораго въ системѣ „при тѣни пороковъ и грѣховъ яснѣе сіяетъ свѣтъ добродѣтелей и благодати“²⁾.

Схоластическое богословіе утвердилось во всѣхъ духовныхъ школахъ, которыя получили начало въ 18-мъ вѣкѣ. Всѣ будущіе пастыри русскаго народа, всѣ будущіе богословы заговорили на латинскомъ языкѣ. Здѣсь нужно видѣть начало отчужденія духовенства отъ народа. Латинскій языкъ и латинское богословіе господствовали въ духовной школѣ и въ 19-мъ вѣкѣ. Латинскія лекціи по богословію читались и въ нашей Академіи³⁾ и лекціи эти нерѣдко были въ близкомъ родствѣ съ западными еретическими образцами. Наши дѣды въ семинаріяхъ еще учились по ла-

1) Греческія дѣла 1702 г. № 1. *Н. О. Каптеревъ*. Сношенія патріарха Досіеѣя, стр. 172.

2) См. у *С. К. Смирнова*. Исторія Славяно-Греко-Латинской Академіи, стр. 142—143.

3) См. *С. К. Смирнова*. Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія. Москва 1879, стр. 13—22.

тыни. Теперь семинаристы уже съ трудомъ едва переводятъ латинскую книгу, но схоластическое богословіе еще живо и понынѣ.

Итакъ, вотъ какъ далеко и глубоко въ исторіи лежатъ корни чужеземнаго засилія въ нашемъ богословіи. Въ Московской Руси чужеземное вліяніе на богословіе находило надлежащій отпоръ отъ ревнителей православія и отъ твердой церковной власти. Во время Петровской революціи церковная власть была смята и подавлена и чуждое богословіе было какъ-бы насильно насаждено на русской почвѣ. Это грѣхъ не столько церковной іерархіи, сколько гражданскаго правительства, созданнаго Петромъ и духомъ чуждаго русскому народу. Порабощенная Церковь не могла свергнуть со своего богословія твердой рукой налагавшагося на него латинско-нѣмецкаго ига, угоднаго государственной власти 18-го вѣка. Западныя ереси были правительству русскому ближе и понятнѣе, нежели восточное православіе.

3.

Но въ чемъ же сказалось латинское и вообще западное вліяніе на наше школьное богословіе? Неужели наше богословіе и наши богословы, попавши подъ западное вліяніе, начали проповѣдывать *Filioque*, папское главенство и папскую непогрѣшимость, или отрицать авторитетъ Церкви подобно протестантамъ? Ничего подобнаго. Наше богословіе скорѣе изобиловало сочиненіями полемическими, направленными противъ всѣхъ названныхъ и имъ подобныхъ западныхъ заблужденій. Въ чемъ же тогда латинское вліяніе?

Латинское вліяніе затронуло у насъ рѣшеніе самыхъ живыхъ богословскихъ вопросовъ, затронуло самую душу богословія. Полемика съ латинствомъ, касаясь указанныхъ догматическихъ разностей, имѣла въ виду далеко не самое важное и существенное. Православные полемисты издревле въ своей полемикѣ съ латинствомъ оцѣждали комаровъ и безъ вниманія оставляли верблюдовъ. Католическихъ ересей насчитывали цѣлыя десятки, но не указывали основнаго пагубнаго заблужденія латинства. Вѣдь среди католическихъ ересей, напр., нашъ русскій митрополитъ Георгій указывалъ слѣдующія: „ѣдятъ медвѣдину и ословъ: попы ихъ ѣдятъ

въ говѣніе бобровину, глаголють-бо яко отъ воды есть и рыба всяко есть; постригаютъ бороды своя бритвою, еже есть отсѣчено отъ Моисеева закона и отъ евангельска“¹⁾. Въ сравненіи съ этими „ересями“ опрѣсноки, папская непогрѣшимость, Filioque и прочее, что опровергается въ нашихъ „обличительныхъ богословіяхъ“,—конечно, несравненно важнѣе. Однако все же существо вѣры, *душа* ея—не здѣсь. „Религія есть,—или по крайней мѣрѣ притязаетъ быть художницей спасенія, и дѣло ея—*спасать*“²⁾. Религія по православному пониманію есть *благо-честіе, εὐ-σέβεια*, почитаніе блага, стремленіе къ благу, а религіозное благо есть спасеніе. „Вопросъ о личномъ спасеніи и представляетъ въ системѣ нашего вѣроученія именно такой пунктъ, въ которомъ это послѣднее становится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, съ реальнымъ бытіемъ и хочетъ въ жизни, въ практикѣ показать, въ чемъ собственно заключается та истина, которую оно проповѣдуетъ. Въ этомъ пунктѣ каждое вѣроисповѣданіе можетъ найти себѣ и безпристрастную оцѣнку. Тотъ, кто хочетъ узнать истинное существо католичества, протестантства или православія, тотъ долженъ обратиться не къ теоретическому ихъ ученію, а къ ихъ понятію о жизни, къ ихъ ученію, именно, о личномъ спасеніи, въ которомъ (ученіи) это понятіе наиболѣе ясно выражено,—тотъ долженъ опросить каждое изъ вѣроисповѣданій, въ чемъ оно полагаетъ смыслъ жизни человѣка, его высшее благо“³⁾.

Итакъ, *душа вѣры въ спасеніи и душа богословія въ ученіи о спасеніи.*

Что же? Сохранило ли наше богословіе во время латинскаго и нѣмецкаго нашествія православное ученіе о спасеніи? Вспомнимъ вкратцѣ основныя понятія православнаго ученія о спасеніи.

Свободное отступленіе и обособленіе прародителя отъ Бога

1) Проф. А. С. Павловъ. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ. СПб. 1878, стр. 192. 195. 152.

2) Проф. свящ. П. А. Флоренскій. Разумъ и діалектика. Богословскій Вѣстникъ, 1914, т. 3, стр. 87.

3) Архіепископъ Сергій. Православное ученіе о спасеніи. Изд. 4. СПб. 1910, стр. 5—6.

имѣло слѣдствіемъ изгнаніе изъ рая, отчужденіе отъ Бога и страданіе человѣка. Все естество человеческое подпало подъ власть тлѣнія и смерти. Отъ Дѣвы воплощается Единородный Сынъ Божій, принимаетъ полное человеческое естество въ единство Своей Божественной Упостаси. Во Христѣ естество человеческое и естество Божественное соединены „неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно“, и самое естество человеческое поэтому обожилось, получило новыя силы. Христосъ—новый Адамъ, родоначальникъ новаго человечества. Кто во Христѣ, тотъ—новая тварь. Возстается „красота изначальная“ естества человеческого, которое во Христѣ оказалось уже „чуждо истлѣнія“, преоблѣдило смерть и тлѣніе. Имѣя благодатную помощь Святаго Духа, человѣкъ возрождается очищаетъ себя отъ грѣха и тлѣнія и снова возвращаетъ, себѣ „первое блаженство“. Не какъ внѣшняя награда дается это блаженство, а какъ внутреннее слѣдствіе вырастаетъ изъ добродѣли и свободы отъ грѣха. *Σωτηρία* въ томъ и состоитъ, что, сдѣлавшись причастенъ Божескаго естества и получивши даръ Св. Духа, человѣкъ паки становится *σῶς*—цѣлымъ, здоровымъ, нормальнымъ. Возстанавливается то состояніе твари, о которомъ сказалъ нѣкогда Господь Богъ: „вся добра зѣло“. Такъ—воплощеніе, воссозданіе, обоженіе, нетлѣніе и блаженство—въ предѣлахъ этихъ понятій движется православное ученіе о спасеніи. Читайте творенія св. Иринея Ліонскаго, св. Афанасія Великаго „Слова противъ аріанъ“, св. Григорія Нисскаго „Большое огласительное слово“, св. Григорія Богослова „Слова о богословіи“ и „на Богоявленіе“, преп. Іоанна Дамаскина „Точное изложеніе православной вѣры“—повсюду вы увидите, въ какой тѣсной и неразрывной связи другъ съ другомъ стоятъ сотеріологія и христологія, какъ все ученіе о спасеніи сходится къ единому центру—Воплощенію Бога Слова, къ великой тайнѣ благочестія: Богъ явился во плоти! Св. Иринея Ліонскій маловѣрами называетъ тѣхъ, кто не придаетъ никакого значенія домостроительству воплощенія, чрезъ которое осуществилось совершенство нашего человечества ¹⁾. Вотъ нѣсколько строкъ изъ знаменитаго слова Григорія Богослова „на Богоявленіе или на Ро-

¹⁾ Доказательство апостольской проповѣди, гл. 99.

жество Спасителя“. „Само Божіе Слово превѣчное, невидимое, непостижимое, безтѣлесное, начало отъ начала, свѣтъ отъ свѣта, источникъ жизни и безсмертія, отпечатокъ первообразной красоты, печать непереносимая, образъ неизмѣняемый, опредѣленіе и слово Отца, приходитъ къ Своему образу, носить плоть ради плоти, соединяется съ разумною душою ради моей души, очищая подобное подобнымъ, дѣлается человѣкомъ по всему, кромѣ грѣха. Хотя чревоноситъ Дѣва, въ которой душа и тѣло предочищены Духомъ; однако же происшедшій есть Богъ и съ воспринятымъ отъ Него (человѣческимъ естествомъ)—единое изъ двухъ противоположныхъ—плоти и Духа, изъ которыхъ Одинъ обожилъ, а другая обожена. О, новое смѣшеніе! О, чудное раствореніе! Богатящій обнищаваетъ, обнищаваетъ до плоти моей, чтобы мнѣ обогатиться Его Божествомъ; Исполненный истощается, истощается не надолго въ славѣ Своей, чтобы мнѣ быть причастникомъ полноты Его. Какое богатство благодати! Что это за таинство о мнѣ? Я получилъ образъ Божій, и не сохранилъ его; Онъ воспринимаетъ мою плоть, чтобы и образъ спасти, и плоть обезсмертить. Онъ вступаетъ во второе съ нами общеніе, которое гораздо чуднѣе перваго, поколику тогда даровалъ намъ лучшее, а теперь воспринимаетъ худшее; но сіе боголѣпнѣе перваго, сіе выше для имѣющихъ умъ!.. Сколько торжествъ доставляетъ мнѣ каждая тайна! Во всѣхъ же въ нихъ *главное одно—мое совершеніе, возсозданіе и возвращеніе къ первому Адаму!*“¹⁾

Такъ богословствуютъ о спасеніи святая Церковь!

Но что говорить намъ о спасеніи наше школьное богословіе? Посмотримъ.

„Вся тайна нашего искупленія смертію Иисуса Христа состоитъ въ томъ, что Онъ, въ замѣнъ насъ, уплатилъ Своею кровію долгъ Правдѣ Божіей за наши грѣхи, который мы сами уплатить были не въ состояніи: иначе,—въ замѣнъ насъ, исполнилъ и потерпѣлъ все, что только требовалось для отпущенія грѣховъ... Господь Иисусъ принесъ плату полную и совершенно удовлетворительную за долгъ нашъ. Этотъ долгъ нашъ предъ Богомъ состоялъ въ томъ, что мы не исполнили воли Его, которую должны были исполнить,

¹⁾ Слово 38. Твореній ч. 3, изд. 3. Москва 1889, стр. 202—203. 205.

и непослушаніемъ своимъ безконечно оскорбили своего Создателя, и вслѣдъ за тѣмъ осуждены были Имъ на страданія и смерть, которая есть неизбѣжное слѣдствіе грѣха и справедливое возмездіе за грѣхъ... Господь Иисусъ принесъ за насъ плату преизбыточествующую. Ибо какъ бы ни были велики и многочисленны грѣхи всего рода человѣческаго, но они ограничены и по природѣ своей, и по числу; а самоотверженіе, страданія и смерть Иисуса Христа, Лица Божескаго и безпредѣльнаго, должны имѣть безконечную цѣну, во всѣхъ отношеніяхъ, предъ судомъ вѣчной правды. И слѣд. какъ ни велико, какъ ни необъятно оскорбленіе, причиненное грѣхами нашими величеству высочайшаго Существа; но удовлетвореніе, принесенное за нихъ Иисусомъ Христомъ, несравненно больше. А потому Онъ не только совершенно уплатилъ за насъ долгъ безцѣнною Своею кровію, но и купилъ за нее, приобрѣлъ для насъ вѣчныя блага... Потому-то мы и вѣруемъ, что страданія и смерть нашего Спасителя имѣютъ не только значеніе выкупа за насъ и уплаты долга; но и значеніе величайшихъ заслугъ предъ судомъ вѣчной Правды“ ¹⁾.

Здѣсь предъ нами совсѣмъ другой рядъ понятій: оскорбленіе, возмездіе, проклятіе, искупленіе, удовлетвореніе и заслуга. Прочтите въ первомъ томѣ нашего юбилейнаго сборника статью проф. А. П. Орлова: „Сотеріологія Ансельма Кентерберійскаго“, — тамъ, у этого отца латинской схоластики, вы найдете всѣ эти понятія. А сравнительно съ Григоріемъ Богословомъ въ семинарскомъ учебникѣ митрополитъ Макарій о спасеніи мудрствуетъ иначе:

Григорій Богословъ:

„Главное одно—мое совершеніе, воссозданіе и возвращеніе къ первому Адаму!“

Митрополитъ Макарій:

„Вся тайна нашего искупленія смертію Иисуса Христа состоитъ въ томъ, что Онъ, въ замѣнъ насъ, уплатилъ Своею кровію долгъ Правдѣ Божіей за наши грѣхи“.

¹⁾ Макарій, митрополитъ Московскій. Руководство къ изученію христіанскаго православно-догматическаго богословія, § 98.

Вотъ что сдѣлало съ нашимъ богословіемъ латинское и нѣмецкое рабство! Въ ученіи о спасеніи это рабство отторгло наше богословіе отъ Григорія Богослова и иныхъ отцевъ Церкви и приблизило къ Анзельму и прочимъ отцамъ схоластики! Макарій принимаетъ даже понятіе заслуги; ему остается прибавить уже немного для того, чтобы въ дѣло спасенія перенести весь католическій механизмъ банкирскаго дома, о которомъ говорилъ А. С. Хомяковъ ¹⁾.

Но спросите вы людей, прошедшихъ среднюю духовную школу, какъ они богословствуютъ о спасеніи! Спросите нашихъ сельскихъ неученыхъ батюшекъ! Вы прежде всего узнаете, что они вообще очень мало богословствуютъ, но все же вы замѣтите безъ особаго труда, что о спасеніи они мыслятъ по Макарію, а не по Аѳанасію Великому или Григорію Богослову. Школа положила на вѣки свою схоластическую печать...

Но да не подумаетъ кто-либо изъ васъ: неужели Церковь измѣнила своему Православію? Раскольники уже не преминули на подобный вопросъ дать свой злобный положительный отвѣтъ, напр., въ умно задуманной и кощунственно написанной книгѣ Мельникова о „блуждающемъ богословіи“. Нѣтъ, Церковь не измѣнила и не могла измѣнить своему Православію; только школа перестала мыслить вполнѣ по церковному, произошелъ нѣкоторый разрывъ между Церковью и школой. Церковь и теперь живетъ и дышетъ все тою же идеей спасенія, которой жила и дышала она полторы тысячи лѣтъ назадъ. У Церкви и теперь есть своя сокровищница богословія, существенно отличнаго отъ богословія школьнаго. Это сокровище—въ богослужебныхъ книгахъ. Вѣдь большая часть нашихъ богослужебныхъ книгъ составлена тогда, когда даже не было никакого латинства и не было никакой схоластики. Многія изъ богослужебныхъ пѣснопѣній, стихирь, каноновъ—писаны великими богословами древней Церкви. Въ богослуженіи мы слышимъ чистый и неиспорченный отголосокъ богословія святоотеческаго, древ-

¹⁾ Ср. отзывъ А. С. Хомякова о трудахъ митр. Макарія въ письмѣ къ А. Н. Попову отъ 22 окт. 1848 года: „Макарій провонялъ схоластикой“. См. *проф. В. З. Завитневичъ*. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, т. I, кн. I. Кіевъ 1902, стр. 973.

не-церковнаго. Уже нѣсколько лѣтъ скорбь и горечь тѣснят мое сердце отъ признанія того, какъ искажена въ нашемъ школьномъ богословіи христіанская идея спасенія, и безъ радостнаго трепета сердечнаго я не могу слышать нашего богослуженія. Я радуюсь, какъ сынъ Церкви и какъ богословъ, потому что каждую почти минуту въ богослуженіи слышу тѣ самыя чистыя и высокія понятія объ истинахъ христіанской жизни, которыя плѣнили меня въ богословіи святоотеческомъ. Прочитайте вы службу на Рождество и Благовѣщеніе,—и вы найдете о дѣлѣ спасенія тѣ же мысли, что во второмъ вѣкѣ высказывалъ св. Ириней Лионскій, въ четвертомъ—Аванасій, Василій и оба Григорія, въ седьмомъ—преп. Максимъ Исповѣдникъ, въ восьмомъ—преп. Іоаннъ Дамаскинъ, въ одиннадцатомъ—преп. Симеонъ, Новый Богословъ, или—лучше сказать—всѣ и во всѣхъ вѣкахъ на священномъ Востокѣ! Въ самой литургіи, приступая къ совершенію величайшаго таинства, мы, священники, говоримъ въ алтарѣ предъ престоломъ о спасеніи совѣмъ не то, чему учить насъ школьная догматика. Въ литургіи св. Іоанна Златоуста мы исповѣдуемъ:

„Ты отъ небытія въ бытіе насъ привелъ еси и отпадшія возставилъ еси паки и не отступилъ еси, вся творя, дондеже насъ на небо возвелъ еси и царство Твое даровалъ еси будущее“.

Подробнѣе въ литургіи св. Василя Великаго: „Егда прииде исполненіе время, глаголашь еси намъ Самѣмъ Сыномъ Твоимъ, Имже и вѣки сотворилъ еси, Иже сый сіяніе славы Твоея и начертаніе Впостаси Твоея, нося же вся глаголомъ силы Своея, не хищеніе непщева еже быти равенъ Тебѣ Богу и Отцу, но Богъ сый превѣчный, на земли явися и челоувѣкомъ споживе и отъ Дѣвы святыя воплощься, истощи Себе, зракъ раба приеъмъ, сообразенъ бывъ тѣлу смиренія нашего, да насъ сообразны сотворить образу славы Своея; понеже бо челоувѣкомъ грѣхъ видѣ въ мѣръ и грѣхомъ смерть, благоволи Единородный Твой Сынъ, сый въ нѣдрѣхъ Тебе Бога и Отца, бывъ отъ жены святыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи, бывъ подъ закономъ, осудити грѣхъ во плоти Своей, да во Адамѣ умирающе, оживотворятся въ Самѣмъ Христѣ Твоемъ“.

Итакъ, смотрите, какое разногласіе между Церковью и

школой! Вотъ что сдѣлало у насъ на Руси латинско-нѣмецкое засилье въ богословіи! Классная каеэдра духовной школы и церковный амвоѣтъ и клиросъ въ одно и то же время говорятъ на разныхъ богословскихъ языкахъ! На борьбу съ этимъ-то вреднымъ латинско-нѣмецкимъ засильемъ и его печальными плодами въ нашемъ богословіи я и считаю своимъ нравственнымъ долгомъ васъ призвать въ эту грозную годину отечественной освободительной войны. Борьба уже началась. За послѣдніе двадцать пять лѣтъ уже немало написано богословскихъ трудовъ, по содержанію существенно отличныхъ отъ трудовъ недалекаго прошлаго. У насъ, благодареніе Богу, уже зародилось новое богословское направленіе, свергающее съ себя мертвящія узы прежней схоластики. Къ этому-то направленію и нужно примыкать со всѣмъ жаромъ юности и безъ всякаго сомнѣнія. Нужно достигать того, чтобы это новое направленіе получило самое широкое распространеніе и полное господство. А то у насъ еще и теперь не мало охотниковъ клеймить „либерализмъ“ и даже „нѣметчиной“ все, что не согласно съ Макаріемъ!

Въ схоластическомъ ученіи о спасеніи прежде всего должны быть снесены до основанія два форта, два понятія: *удовлетвореніе и заслуга*. Эти два понятія должны быть выброшены изъ богословія безъ остатка, навсегда и окончательно! Уничтожьте эти два форта,—призрачная твердыня схоластики скоро падетъ и разсыплется. И погибнетъ печальная память ея безъ шума...

Но гдѣ причина того, что чуждая духу Церкви схоластика держится въ духовной школѣ нашей и въ богословіи даже въ двадцатомъ вѣкѣ, даже до дне сего? Причинъ можно-бы насчитать не мало, но я укажу прежде всего одну, которая ближе всего касается насъ съ вами. Одна изъ причинъ есть тяжкій грѣхъ студентовъ нашихъ духовныхъ академій. Десятый годъ наблюдая академическую жизнь, я невольно съ грустью и печалью, иногда и съ негодованіемъ, замѣчалъ, что студенты Академіи слишкомъ мало занимаются богословіемъ и еще меньше богословіемъ интересуются. Получается крайне ненормальное явленіе: студентъ духовной Академіи, окончивая курсъ, имѣетъ нѣкоторые взгляды философскіе, историческіе, даже политическіе, но не имѣетъ опредѣленныхъ взглядовъ богословскихъ. Чисто богословскіе вопросы

его не волнуютъ; онъ будто даже и не понимаетъ, какъ это богословскій вопросъ можетъ задѣвать за самую сердцевину души, ломать и переворачивать всю жизнь человѣка, заставляя его ввергаться въ огонь и въ воду. Призрачная твердыня схоластики потому еще и держится, что нѣтъ одушевленныхъ воиновъ, которые съ ожесточеніемъ бы на нее нападали, сознавая и чувствуя, какъ эта твердыня мѣшаетъ духовной жизни человѣка, какъ она стоитъ на пути его духовнаго развитія и совершенствованія, на пути христіанскаго спасенія, подмѣняя духовное возрожденіе и спасеніе какой-то странной юридической сдѣлкой съ Господомъ Богомъ. За схоластическую пустоту потому и берутся, что не имѣютъ никакихъ жизненно-богословскихъ убѣжденій.

Въ эти военные дни я и обращаюсь къ вамъ съ призывомъ. Вы освобождены отъ воинской повинности, вы сидите не въ окопахъ, а за партами,—такъ не уклоняйтесь отъ необходимаго набора въ воинство Христово, въ дѣйствующую уже небольшую армію богослововъ! Схоластическая крѣпость—это *нашъ, академическій*, участокъ общаго фронта. Если мы живые люди и живые члены Христовой Церкви, мы должны чувствовать, что эта крѣпость намъ, *жизни нашей* православной мѣшаетъ. Сравнять съ землей непріятельскую крѣпость схоластики—вотъ *наша*, академическая, задача, если мы хотимъ самымъ дѣломъ участвовать въ великой освободительной войнѣ!

И еще одно пожеланіе и надежда. Я говорилъ вамъ, почему въ 17-мъ вѣкѣ борьба съ латинствомъ была у насъ даже успѣшна, а въ 18-мъ—эта борьба прекратилась. Мой отвѣтъ на этотъ вопросъ не поможетъ-ли намъ объединиться въ общемъ пожеланіи, чтобы возвращено намъ было то, что потеряно при Петрѣ двѣсти лѣтъ назадъ: патріаршество и свобода Церкви!

Архимандритъ Иларіонъ.
